

Слепота как порок

В Евангелии от Иоанна рассказывается о том, как Господь наш Иисус Христос исцелил слепорожденного. Как этот слепорожденный, едва избавившийся от слепоты телесной, от физического пребывания во тьме, и только что впервые увидевший окружающий мир, сразу же столкнулся с тьмой мира сего в лице фарисеев, которые принялись его допрашивать, так как исцеление было совершено в субботу, когда, согласно закону Моисееву, нельзя было делать никакой работы. Их раздражение и ненависть к Христу выпилась и на этого человека, которого они прогнали, убедившись, что он вовсе не собирается малодушествовать и угодничать перед ними. Изгнанный людьми, недавний инвалид встречает Христа, Которого исповедует Сыном Божиим.

И тогда Господь произнес несколько странные (на первый взгляд) слова: «На суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы» (Ин. 9; 39). Услышав эти слова, некоторые фарисеи спросили Его: неужели и они слепы? На что Христос им сказал: «Если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха; но как вы говорите, что видите, то грех остается на вас» (Ин. 9; 41).

Эти слова Спасителя обращают наше внимание на **порок слепоты**. Именно **«порок»**, а не болезнь, увечье или недостаток. **Порок есть укоренившаяся склонность к злу. Это не просто слабость, а вполне сформированное состояние порабощенности какому-либо греху, страсти.**

Слепота может быть недостатком, обделенностью, следствием несчастья. Это, безусловно, касается слепоты физической, но не только. Слепота духовная тоже может быть всего лишь недостатком, который не вменяется в вину («если бы вы были слепы...»), но, как правило, это именно **порок**. Одно дело когда человек не знает истины, в сердце будучи готовым ее принять – это **неведение**. Совсем же другое дело – **невежество** – **состояние произвольного отказа от познания истины, происходящее от самодовольства, от предпочтения привычного и удобного – истинному.**

Духовное невежество не есть незнание истины в силу внешних причин. Это или пассивное уклонение от своего призвания познавать истину (о Боге, о себе, о мире), или активное, ожесточенное сопротивление, проявляющееся в настроении, словах и действиях, направленных как против самой истины, так и против тех, кто ее свидетельствует. Именно духовное невежество *религиозных* иудеев пригвоздило Спасителя к кресту.

Даже Понтий Пилат не в неведении пребывал. Именно духовное невежество проявилось в его уклончивом риторическом вопросе «что есть истина?». Невежество, не неведение. Не просто не знает он, что есть истина, но и не желает знать ни ее самой, ни того есть ли она вообще.

Но какое это имеет отношение к нам? Если в отношении не веровавших во Христа единоплеменников уместно вместе с апостолом Павлом говорить о некоем «покрывале,

лежащем на сердце их» (2 Кор. 3; 15), о покрывале законничества, сквозь которое не проникает свет благодати Божией, то в чем же проявляется наша с вами духовная слепота? Понятно: иудеи не хотели пересматривать устоявшихся раввинистических представлений о праведности, да и сам образ грядущего Мессии-освободителя тешил их национальное самолюбие, оттого и отвергли реального Мессию-Христа; язычники предпочитали кто своенравие философской мысли, кто чувственный «беспредел», кто суеверие идолопоклонства, оттого и отвергали апостольское благовестие; но мы-то – христиане, мы же не отвергаем Христа, а исповедуем Его! Какое к нам отношение имеет порок духовной слепоты? Самое прямое.

В чем суть невежества? Платон говорит, что «тем-то и скверно невежество, что человек ни прекрасный, ни совершенный, ни умный вполне доволен собой». Невежество – страшное состояние: человек самодовольный – это человек самообделенный. Его слепота неисцелима, так как он себя слепым не считает, а свою слепоту возводит в норму. Приснопамятный пастырь русского зарубежья священник Александр Ельчанинов писал: «Сама по себе ограниченность человека не есть глупость. Самые умные люди непременно ограничены в ряде вещей. Глупость начинается там, где появляется упрямство, самоуверенность, т.е. там, где начинается гордость».

Невежество – некий род безумия. Причем заразный. Ему подвержены в той или иной степени большинство из нас. Это проявляется всякий раз, когда мы цепляемся за удобные нам стереотипы мышления, пристрастия, привычки – в ущерб честному взгляду «в корень», искреннему поиску истины. Мало формально признать веру Христову истинной. Надо еще ее принять всем сердцем и исповедовать ее жизнью. И вот в процессе этого-то исповедания мы время от времени будем наткаться в себе на всевозможные чужеродные предметы – устоявшиеся стремления, мнения, ожидания, привычки и т.п., не имеющие с Евангелием ничего общего. И вот либо мы будем скрупулезно удалять из себя все несовместимое со Христом и тем самым осуществлять свое призвание к богоуподоблению, либо... попытаемся совместить несовместимое и постепенно зарастем болотом страстей, суеверий, ложных стереотипов поведения и мышления.

Хотелось бы конкретнее?

Выше было сказано, что порок слепоты состоит в не критичном цеплянии за привычно-удобное, как за истину в последней инстанции. Но при этом еще следует добавить, что у каждого круга (этнического, социального, культурного, политического, профессионального и т.д.) «привычно-удобные» понятия – свои.

Возьмем хотя бы проводы покойника. В деревне ревностно оберегается масса традиций, которые отчасти сохраняются и в городах, особенно если у кого корни крестьянские; масса традиций ничего общего с христианством не имеющих, а восходящих к «седой языческой древности». Это поминание усопших водкой, пьянство прямо на могилах, на **освященных** кладбищах! А как виртуозно подпаивают священника, приглашенного

отслужить панихиду!.. Многие священники объясняют, что нельзя поминать усопших водкой, отказываются начинать службу пока водку не уберут – зло это неискоренимо, ибо без спиртного как бы и не православные поминки получаются. Такие, вот, странные понятия о вере. Я уж не говорю о стаканах с водкой, покрытых куском хлеба, стоящих в память о покойниках у них дома (а из стакана водка все убывать будет в течение сорока дней – покойник отпивает...). Евангелия не читали, на службе стоят, совершенно не вникая в содержание богослужения, а вот по части примет, гаданий и прочих суеверий эта категория «деревенских грамотеев» – бесценная сокровищница для собирателя фольклора. Причем именно свое язычество они пытаются облечь в христианские ризы, преподнести как святое Православие.

Интеллигенция тоже недалеко ушла в своих духовных исканиях. Если для выходца из деревни характерно язычество грубое, зато откровенное, то интеллигент язычествует рафинированно. У интеллектуала свое «покрывало на сердце». Он приходит из неверия в Церковь и норовит не расставаться с тем снобизмом, который в свое время, быть может, оказывался поддержкой в стремлении сохраниться в безбожном обществе как самостоятельная личность, но с верой Христовой он никак не совместим. Он, может, и старается не выпячивать свой интеллект, но нет-нет, да и напомним о своем высшем образовании (а то и двух). Он еще не успел разобраться с Символом Веры, а уже интересуется всей доступной макулатурой по оккультизму, еще ни одной святоотеческой книги не прочитал, но теребит всех вокруг: не отыщут ли ему литературу еретиков-гностиков («расширить кругозор»), он еще не вник в суть христианства, а усердно интересуется буддизмом, индуизмом, или, например, древнеславянским язычеством. Имевший в период своего неверия опыт противостояния тоталитарной системе, он по инерции чутко реагирует на малейшие черточки авторитарности, ощетиниваясь и теряя при этом какую-либо способность трезвенно, в евангельском свете оценить ситуацию, увидеть в ней Промысл Божий... Прот. Александр Шмеман заметил как-то, что порой интеллигент приходит в Церковь не спастись, а ее саму спасти.

Духовное невежество не знает границ ни сословных, ни этнических, ни прочих. Оно универсально, только формы проявления – разные. Мы отгораживаемся от Евангельской простоты не просто какими-то привычками или понятиями – это все лишь стройматериал для той стены, которую мы воздвигаем между собой и Богом. Сама же стена – гордость, которая побуждает нас чересчур доверять своему мнению, своей способности объективно и компетентно оценивать происходящее в нас и вокруг нас, судить не только людей, но и самого Бога.